

Сергей Шаповалов

Архитектура пустоты

Сергей Шаповалов

Архитектура пустоты

«Автор»

2026

Шаповалов С.

Архитектура пустоты / С. Шаповалов — «Автор», 2026

«Архитектура пустоты» — психологический триллер о любви, которая становится клеткой для обоих. Максим и Анна казались идеальной парой: он — архитектор, создающий безупречные конструкции, она — успешный психолог с безукоризненной улыбкой. Но их брак — это лишь фасад. За его стерильной чистотой скрывается трещина: Максим не знает, что у Анны был ребёнок, умерший в младенчестве, а Анна давно перестала видеть мужа за стеной монитора. Когда Максим обнаруживает, что жена стала частью сатанинской секты, его расследование превращается в охоту на призраков. Он проникает в перестроенные соборы, где под иконами прячутся серверы, и видит ритуалы, которые кажутся безумными, но подчиняются строгим законам логики. Чем глубже он погружается во тьму, тем больше понимает: эта секта — не просто культ дьявола, а научный эксперимент по перезапуску реальности. Анна же проходит свой путь освобождения от боли через боль. Под руководством Виктора, харизматичного лидера, она учится видеть швы мироздани

© Шаповалов С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Шаповалов

Архитектура пустоты

Архитектура Пустоты

Эпиграф.

«Мы не боимся того, что в темноте. Мы боимся того факта, что темнота — это форма, а мы её просто не видим».

Предисловие

.

Сцена-пролог: Зима. Голый лес. Человек в дорогом пальто стоит на коленях в снегу перед пнём векового дерева. Он пытается ножом вырезать на древесине сложный символ, но руки трясутся от холода и чего-то ещё. Это не страх смерти. Это ужас осознания, что он вырезает собственное имя наоборот. Звук ломающейся ветки за спиной. Он оборачивается. Никого. Но снег вокруг него уже сложен в идеальную спираль.

Часть 1. Трещина в монолите.

Синдром отчуждения

Глава 1. Максим

Утро вторника. Идеальная квартира. Максим наблюдает за Анной через отражение в экране выключенного ноутбука. Она пьёт кофе, глядя в стену. Между ними — невидимая свинцовая стена. Символ: она добавляет в кофе соль вместо сахара, даже не поморщившись.

Вторник, шестнадцатое число месяца июля, начался для Максима Петровича не с резкого электрического зова будильника, который он всегда ненавидел и всё же заводил из какой-то педантичной приверженности порядку, а с той особенной утренней тишины большого города, которая бывает только за час до того, как миллионы людей придут в движение. Он проснулся сам, без всякой причины, открыв глаза и уставившись в белизну потолка.

Квартира их была исполнена той холодной, музейной гармонии, которую так любят описывать в журналах об интерьерах и которой люди часто пытаются прикрыть душевную пустоту. Всё было на своих местах: ниспадающие прямыми складками льняные шторы цвета неотбеленного холста, паркетная доска из выбеленного дуба, уложенная строго по направлению света, мебель простых, но дорогих линий. Воздух был прозрачен и неподвижен; солнечный луч, пробившийся сквозь щель в шторах, висел в нём золотистой колонной, освещая мириады пылинок, которые казались единственными живыми существами в этой комнате. Пылинки эти медленно, торжественно кружились, подчиняясь невидимым токам воздуха, и Максиму вдруг подумалось, что они похожи на его собственные мысли — такие же мелкие, оторванные от корня и бесцельно блуждающие в пространстве.

Он полежал ещё несколько минут, прислушиваясь к дому. Тишина эта не успокаивала, а давила свинцовой плитой. В ней не было мирного дыхания спящего человека, не было потрескивания старых половиц, свойственного деревенским домам его детства. Это была мёртвая тишина склепа, где каждый предмет знал своё место и боялся его нарушить. Чувство это было ему знакомо и мучительно. Оно приходило всё чаще, особенно по утрам, когда дневная суета ещё не успела набросить свою спасительную пелену лжи на истинное положение вещей.

Максим поднялся. Босые ноги ощутили прохладную гладкость пола. Он прошёл в гостиную и сел в глубокое кожаное кресло перед выключенным ноутбуком. Чёрный прямоугольник экрана зиял, как провал в адскую бездну дел, отчётов и бессмысленных переписок, которыми он привык заполнять свои дни, чтобы не оставаться наедине с собой. Но сегодня даже работа не звала его. Он смотрел на тёмное стекло, и оно служило ему зеркалом.

В этом мутном отражении он увидел кухню. Там, у монументальной столешницы из кварца, стояла Анна. Она была одета в простой шёлковый халат жемчужного цвета. Её фигура, некогда вызывавшая в нём бурю страсти, теперь казалась частью этого холодного интерьера — изящной, правильной и абсолютно чужой. Она совершала свой утренний ритуал приготовления кофе. Движения её были точны, экономичны и лишены всякого признака жизни. Так движутся актёры в хорошо отрепетированном спектакле или механические куклы.

Самое страшное было в её взгляде. Она смотрела не в окно на просыпающийся город, не на струйку пара из кофемашины, а прямо перед собой — в глухую стену, выкрашенную в нейтральный бежевый цвет. И Максим понял с пронзительной ясностью, что она смотрит вовсе не на стену. Стена была лишь точкой опоры для глаз, за которыми разверзлась внутренняя

бездна. Взгляд этот был пуст, лишён всякого выражения, словно душа её уже покинула тело и отправилась куда-то далеко, оставив здесь одну лишь оболочку.

Между ним и ею, разделяя двадцать шагов пространства гостиной и кухни, натянута была преграда. Это не было недосказанностью, не было обидой, о которой можно поговорить вечером. Нет, то была стена невидимая, но более плотная, чем каменная кладка. То была стена из чистого, тяжёлого свинца. Свинец этот поглощал звуки, убивал свет и отравлял самый воздух, которым они дышали. Любое слово, брошенное через эту стену, должно было упасть на пол тяжёлым, мёртвым куском металла.

Анна взяла свою чашку — тонкую, почти невесомую вещицу из тонкого фарфора. Она поднесла её к губам. Сделала глоток. Лицо её не дрогнуло. Затем она поставила чашку на место и протянула руку к хрустальной сахарнице, стоявшей рядом с серебряным молочником. Пальцы её, длинные и красивые, привычным движением взяли ложечку, погрузили её вглубь сосуда и зачерпнули содержимое.

И тут Максим Петрович почувствовал, как сердце его болезненно сжалось, пропустив удар, а затем забилось с удвоенной силой где-то в горле. Он ясно видел, хотя расстояние и искажающее отражение в стекле мешали рассмотреть детали, что белые кристаллы, сыпавшиеся в тёмную кофейную гущу, были слишком крупными, блестящими иначе. Соль. Она брала соль из специальной маленькой солонки, стоявшей чуть дальше, но сейчас её рука уверенно направилась именно туда, где должна была быть сахарница, и методично испортила напиток.

Любой другой человек вздрогнул бы. Любой другой сморщился бы от горечи, выплюнул бы, чертыхнулся, рассмеялся над своей рассеянностью. Но Анна сделала иное. Она спокойно опустила ложечку на блюдце с едва слышным костяным стуком. Затем она вновь подняла чашку обеими руками, согревая ладони, и сделала долгий, медленный глоток солёного, отвратительного пойла. При этом мускулы её лица не сократились ни на йоту. Ни одна морщинка не тронула уголки её глаз.

Это спокойствие было ужаснее любого крика. Это было свидетельство полного распада воли к жизни. Она знала, что пьёт яд. Она чувствовала вкус соли на языке. Но та часть её существа, которая отвечает за протест, за желание сохранить себя, уберечь от боли, — умерла. Она каждое утро варила себе этот символический отвар из собственного несчастья, приправляла его солью слёз, которых больше не могла пролить, и принимала внутрь, потому что чувствовать боль было для неё страшнее, чем пить отраву.

Максим сидел в кресле, глядя на чёрный экран ноутбука, но видя перед собой жену, глотающую солёный кофе. Он осознал внезапно и окончательно, что Анны, которую он любил студенткой на Воробьёвых горах, ту смешливую девушку с выгоревшими на солнце ресницами, — давно нет. А женщина у кухонной стойки была лишь памятником ей, великолепным саркофагом, внутри которого истлели все чувства. И самое страшное заключалось в том, что он сам, своим молчанием, своей покорностью этому свинцовому воздуху, стал главным хранителем этого мавзолея.

Глава 2. Анна

Подвал жилого дома. Ритуал. Гул голосов. Наставник (Виктор) говорит о том, что любовь к близким — это самый страшный якорь, удерживающий душу в тюрьме иллюзий. Анна чувствует экстаз освобождения. Её измена с адептом Марком показана как бездушный обмен энергией, разрядка конденсатора.

Когда Максим, осторожно ступая по дороговому ковру, вернулся в спальню и притворился спящим, для Анны день только начинался. Вернее, то состояние полужизни, полусна, в котором она существовала последние месяцы, должно было наконец разрешиться чем-то подлинным.

Ночь окутала Москву своим тяжёлым, влажным покрывалом. В это время город переставал делать вид, что живёт осмысленной жизнью; он просто дышал миллионами разгорячённых тел, гудел трансформаторами и извергал в небо столбы пара. Анна дождалась ритмичного, теперь уже фальшивого дыхания мужа. Она выскользнула из-под шёлка простыни бесшумно, как змея меняет кожу. Оделась она во всё тёмное, не глядя на своё отражение в зеркале шкафа — ей было отвратительно видеть эту маску утомлённой благополучием женщины.

Она спустилась вниз пешком, избегая лифта, лязг которого мог бы разбудить консьержа. На улице пахло остывшим асфальтом и бензином. Путь её лежал не к сияющим огням центра, а вглубь заброшенной промзоны на окраине к блочной, полуразрушенной коробке заброшенного цеха.

Подвал этого сооружения был местом сакральным. Тяжёлая железная дверь, скрытая за трубами теплоцентрали, вела в низкое помещение с бетонными стенами, покрытыми «шубой». Здесь не было ни свечей, ни пентаграмм, нарисованных мелом, которыми пугают обывателей. Истинная тьма не нуждается в театральном освещении. Под потолком мерцала одна-единственная лампа дневного света, издавая низкочастотный гул, который въедался прямо в кости. Воздух здесь был густым, спертый, наполненным запахом влажной земли, человеческого пота и чего-то ещё — едкого, животного, первобытного страха, смешанного с предвкушением.

Вдоль стен на низких скамьях сидели люди. Их было человек двадцать. Мужчины и женщины разного возраста, разных сословий. Программист из соседнего офиса, уставший от ипотеки; пожилая учительница музыки с дрожащими руками; холёная девица с розовыми волосами. Всех их объединяло одно: остекленевший, счастливый взгляд людей, сбросивших с себя невыносимую ношу собственной личности.

Анна села на свободное место. Колени её касались колен соседа, но никто не извинялся. Телесная близость здесь ничего не значила. Это была толпа призраков, ждущих команды.

— Вы пришли сюда искать силу, — голос раздался не со стороны трибуны, а словно возник сам собой в центре комнаты.

Виктор стоял, прислонившись плечом к облупленной стене. Он не был похож на демонического гуру. Обычный мужчина лет пятидесяти, лысеющий, в дешёвом чёрном свитере. Но глаза его обладали той страшной властью, которая даётся лишь полным отсутствием сомнений. Он смотрел не на лица, а сквозь них.

— Вы ищете освобождения. А самая крепкая цепь, которую вы куёте себе сами, носит имя любви. Вам говорят, что любовь — это свет. Ложь. Любовь к близким — это самый страшный якорь, удерживающий вашу душу в тюрьме иллюзий. Материнская любовь? Это эгоизм плоти, желание продолжить свой род, чтобы не умереть окончательно. Супружеская? Это договор о совместном страхе перед старостью и смертью. Вы цепляетесь друг за друга, потому что боитесь заглянуть в бездну внутри себя. Вы думаете, что спасаете их, а на самом деле вы топите их вместе с собой в болоте быта, долга и мелких унижительных компромиссов.

Он говорил тихо, без пафоса, и каждое слово падало Анне прямо в мозг, выжигая там те нежные, стыдливые ростки человечности, которые так долго пытался взрастить в ней Максим своими заботливыми завтраками и беспокойством о её сне.

— Чтобы обрести истинную волю, нужно перерезать канаты. Отдать долги. Не деньгами. Смыслом. Сегодня ночью каждый из вас сделает шаг к пустоте. И когда пустота войдёт в вас, вы впервые почувствуете, что значит дышать полной грудью.

Гул голосов поднялся под сводами подвала. Это был не разговор, а вибрация, низкий утробный звук, похожий на мурлыканье огромного хищника. Анна закрыла глаза. Мысли о Максиме, о его идеальном ноутбуке, о солёном кофе — всё это вдруг показалось ей настолько ничтожным, настолько далёким, словно речь шла о героях давно прочитанной детской сказки. Она чувствовала, как свинцовая стена их спальни рушится, превращаясь в пыль. Никакой боли не было. Была звенящая, пьянящая лёгкость. Экстаз абсолютного предательства самой себя. Ей казалось, что кожа её становится прозрачной, а сквозь неё начинает пробиваться холодное синее пламя свободы. Она больше никому ничего не должна. Она снята с баланса мироздания.

Когда ритуальная часть закончилась — монотонные песнопения, раскачивания, коллективное дыхание, доводящее до гипоксии, — началось иное. Виктор кивнул Марку. Марк был молод, лет тридцати, с телом атлета и пустыми глазами рептилии. Он подошёл к Анне. В его взгляде не было похоти мужчины к женщине. Там вообще не было ничего личного. Только функциональная необходимость.

Это не было соитием в человеческом понимании слова. Не было поцелуев, ласк, сплетения пальцев. Они опустили на холодный, чуть влажный брезент, расстеленный в углу. Для стороннего наблюдателя это выглядело бы отталкивающе механистично, почти непристойно в своей асексуальности. Но для них это был физический акт высшей алгебры.

Марк вошёл в неё резко, без подготовки. Анна вскрикнула, но не от боли или удовольствия. Это был крик разрядки гигантского конденсатора, накопившего чудовищный заряд душевного напряжения. Каждый толчок его таза был ударом тока. Они не смотрели друг другу в глаза. Взгляд Марка был устремлён куда-то сквозь стену, в вечность. Его руки сжимали её бедра с силой слесаря, обрабатывающего деталь, пока она, выгнувшись дугой, ловила ртом затхлый воздух подвала.

В эти минуты они обменивались энергией. Марк забирал остатки её человеческой теплоты, её памяти о солнечном свете, её последних привязанностей, питая ими свою холодную, искусственную мощь. А она впитывала в себя его ледяную, мёртвую пустоту. Это было очищение огнём отрицательных чисел. Чем грубее, чем бездушнее были его движения, тем выше поднималась она над полом этой бетонной коробки. Оргазм настиг её не внизу живота, а где-

то в основании черепа, вспышкой белого шума, стирающей все файлы памяти. Она увидела Максима в ту секунду, когда он пил свой утренний эспрессо, и вместо жалости ощутила лишь чувство превосходства хирурга, наблюдающего за пациентом, который даже не подозревает, что наркоз уже подействовал, и операция началась.

Когда всё кончилось, Марк молча застегнул брюки, поправил волосы рукой, на которой недоставало фаланги мизинца, и отошёл к другим адептам. Он даже не посмотрел на неё. Анна осталась лежать на брезенте. Бетон вытягивал из спины последнее тепло. Но тело её горело изнутри нездешним, радиоактивным огнём. Она провела языком по пересохшим губам. Вкус соли сменился вкусом озона после грозы. Она была пуста. И эта божественная, звенящая пустота была самым сладким напитком, который она пробовала в своей жизни.

Глава 3. Максим

Работа архитектора. Максим проектирует здание идеальной тюрьмы — стерильной, безопасной, из которой невозможно сбежать, потому что никто не хочет бежать. Метафора его брака. Находит первый седой волос.

Максим сидел перед огромным изогнутым монитором в стеклянном кубе офиса на сорок втором этаже. Внизу, под ногами, раскинулась Москва — серая, расчерченная линиями дорог, похожая на печатную плату гигантского механизма. Здесь, в царстве кондиционированного воздуха и тихого гула серверов, он чувствовал себя в большей безопасности, чем дома. Дома его ждала тишина, которая кричала. Здесь же была работа. Работа имела смысл. Работа подчинялась законам физики, сопромата и эстетики.

Перед ним на экране мерцал чертеж. Проект «Аврора». С точки зрения архитектурного бюро это был шедевр гуманистического футуризма. Заказчиком выступало государство, желавшее создать пенитенциарное учреждение нового типа для «особой категории граждан» — тех, чьи преступления были совершены не от нужды или злобы, а от избытка воли, которую общество больше не могло терпеть.

Максим увеличил масштаб крыла общего режима. Он провел мышью тонкую синюю линию, обозначающую траекторию движения солнечных лучей в три часа пополудни.

— Стерильность, — прошептал он вслух, пробуя слово на вкус.

Стены камер должны быть покрыты мягким, пористым полимером цвета топленого молока. Никаких углов. Потолок плавно перетекает в стены, создавая ощущение материнской утробы. Пол с подогревом, идеально ровный, чтобы исключить возможность споткнуться, пораниться, почувствовать несовершенство материи. Окна? Нет, окна — это лазейка для тоски, источник неконтролируемой информации о внешнем мире. Вместо них — панели сверхвысокого разрешения, транслирующие один и тот же пейзаж: залитый золотым светом альпийский луг, где никогда не идет дождь и не бывает ветра. Вечная весна. Вечный покой.

Он проектировал идеальную тюрьму. И самое страшное, что уносило его дыхание при мысли об этом проекте, было осознание того, что эта тюрьма была гуманной. Никто здесь не будет закован в наручники. Никого не будут бить палками. Охрана понадобится лишь номинально, для порядка, потому что бежать отсюда никто не захочет.

Максим откинулся на спинку кресла, потер переносицу пальцами. Вся суть наказания заключалась не в лишении свободы передвижения. Свобода — это ведь не право выйти за забор. Свобода — это способность хотеть чего-то иного, кроме тепла, сытости и отсутствия

боли. Его здание гениально убивало именно эту последнюю искру. Оно предлагало абсолютный комфорт в обмен на душу. Душу вынимали мягко, через отсутствие сопротивления среды. Зачем читать книги, если панель может прочесть их тебе голосом любимого актера? Зачем любить живого человека с его дурным запахом изо рта, плохим настроением и непредсказуемостью, если система климат-контроля поддерживает вечные двадцать два градуса, а синтетическая пища усваивается без остатка?

«Из которой невозможно сбежать, потому что никто не хочет бежать».

Фраза, брошенная заказчиком на первом брифинге, вдруг ударила Максима под дых с такой силой, что потемнело в глазах. Он резко выпрямился и посмотрел на собственное отражение в темном стекле перегородки. На него смотрел мужчина тридцати восьми лет с идеальным пробором, в дорогой сорочке, с легким серым оттенком усталости под глазами. Человек, который каждое утро завязывает галстук так, чтобы узел лежал точно в ямке между ключицами. Человек, чья жизнь расписана по минутам в трех разных календарях.

Разве он сам уже не живет в таком блоке? Разве их квартира на Остоженке — не та же камера повышенного комфорта? Та же звукоизоляция, отсекающая шум реального города. Та же идеальная температура. Тот же завтрак, состоящий из правильных белков и углеводов. Анна... она просто перестала притворяться, что ей нужен этот вид на альпийский луг. Она первая поняла, что экран разбит, провода перерезаны, и начала искать настоящую стену, пусть бетонную, влажную и холодную, но реальную. А он, Максим, остался главным архитектором своей собственной комфортабельной могилы. Он строил ее семь лет, вкладывая ипотеку, амбиции и остатки юношеских надежд. И теперь обнаружил, что заперт внутри с трупом.

Ему стало душно. Галстук внезапно превратился в удавку. Он рванул воротник рубашки, пуговичка отлетела и беззвучно покатилась по ковровину. Ему нужно было движение. Физическое, грубое доказательство того, что он все еще состоит из плоти, а не из стекла и программного кода.

Он пошел в туалетную комнату при офисе. Пространство здесь тоже было безупречным: черный гранит, хром, сенсоры. Максим включил холодную воду и плеснул себе в лицо. Кожу обожгло. Жизнь. Боль. Настоящее.

Подняв голову к огромному зеркалу над раковиной, он начал судорожно ощупывать шею, грудь, словно проверяя, целы ли кости. Взгляд его упал на темные волосы, всегда бывшие предметом его скрытой гордости. Густые, жесткие, чуть выющиеся на висках. Он отвел прядь назад, поправляя прическу, и палец его зацепился за что-то. Тонкое, жесткое, инородное. Противоположность мягкому шелку его волос.

Он дернул. Резкая боль заставила зажмуриться. На кончике пальца, зажатый ногтями, торчал седой волос. Короткий, толстый, абсолютно белый, как нить накаливания в перегоревшей лампочке.

Максим разжал пальцы. Волосок медленно, кружась, опустился на черную поверхность раковины. Он смотрел на него, не отрываясь, и чувствовал, как земля уходит из-под ног. Это была не просто примета возраста. Седина — это усталость металла. Это трещина в фундаменте здания.

Его тело сдалось раньше, чем разум. Организм признал поражение, пока архитектор Максим Петрович продолжал чертить планы идеальной тюрьмы. Этот волос рос тайно, питаясь соками его страха, его глухого отчаяния по утрам, его молчаливых ужинов. Он вырос там, где душа перестала освещать плоть.

Вдруг ему показалось, что зеркало перед ним — это стена той самой камеры. Что он смотрит на себя со стороны, на экспонат в музее современной архитектуры быта. И кто-то снаружи повернул ручку громкости внешнего мира до нуля. Звуки офиса — звонки телефонов, стук клавиш, гул вентиляции — исчезли. Остался только этот крошечный белый знак капитуляции на черной эмали.

Он схватил бумажное полотенце, завернул в него седой волос, словно улику совершенного кем-то другим преступления, и сунул глубоко в карман брюк. Нельзя выбрасывать такие вещи в урну офисного туалета. Это слишком личное. Слишком окончательное.

Вернувшись за стол, он сел. Руки дрожали. Курсор мыши плясал по экрану. Идеальные линии проекта «Аврора» плыли перед глазами.

— Нужно поставить решетки, — сказал он тихо своему отражению в мониторе. — Хотя бы декоративные. Чтобы напоминать, что это все-таки тюрьма. Иначе свихнешься от счастья.

Часть 2. Анатомия подозрения

Глава 1. Максим

Начало расследования. Установка трекера на машину жены. Стыдно, противно, но необходимо для сохранения рассудка.

Максим стоял на третьем уровне подземного паркинга, и холодный бетонный пол высасывал тепло даже сквозь подошвы дорогих кожаных туфель. Воздух здесь пах резиной, машинным маслом и той специфической сыростью, которая всегда сопутствует большим скоплениям людей, скрытым глубоко под землей. Это было царство искусственного света — мертвенно-белые люминесцентные лампы под потолком гудели с безнадежной монотонностью, освещая ряды одинаковых автомобилей, каждый из которых был заперт в своем личном стойле.

Он пришел сюда пешком, оставив свою машину тремя этажами выше. Ему казалось кощунственным подъезжать на ней сейчас. То, что он собирался сделать, требовало тишины крадущегося зверя, а не рыка мощного двигателя его «немца».

Ее кроссовер цвета мокрого асфальта стоял во втором ряду, у самой колонны. Максим подошел к нему сбоку, стараясь держаться в тени массивной опоры. Сердце билось где-то в горле, отдаваясь глухими ударами в барабанные перепонки. Он протянул руку и коснулся холодного металла капота. Машина была чуть теплой. Значит, Анна вернулась домой меньше часа назад. Она приняла душ, переделалась в домашнее — вероятно, в тот самый бесформенный кашемировый костюм, который скрывал ее фигуру так же надежно, как маска скрывает лицо, — поцеловала его в щеку сухими, прохладными губами и сказала, что едет к Ленке забрать образцы тканей для штор. К Ленке. Которая живет в Химках. А они находились в центре Москвы.

Ложь больше не имела веса. Она стала такой же легкой и прозрачной, как воздух в их квартире. Но именно эта невесомость сводила Максима с ума. Если бы она кричала, если бы швыряла тарелки, если бы от нее пахло чужим парфюмом или дешевым вином, ему было бы легче. Была бы причина. Был бы враг. Но врагом была пустота. И чтобы заполнить эту пустоту хоть каким-то веществом, хоть какой-то фактурой, ему нужно было совершить то, за что он сам презирал героев второсортных детективов.

Из внутреннего кармана легкого летнего пальто он достал плоский черный прямоугольник размером со спичечный коробок. Магнитный GPS-маячок. Он купил его три дня назад через анонимный чат-бот, переведя криптовалюту человеку без лица. Курьер принес конверт, брошенный в прорезь почтового ящика. Семьдесят тысяч рублей за возможность перестать сходить с ума. Или начать сходить с ума окончательно, получив доказательства того, чего он боялся больше смерти.

Максим включил устройство. Короткая вспышка красного диода внутри корпуса, едва заметная в ярком свете паркинга. Теперь оно жило. Оно видело спутники. Оно знало, где находится.

И тут им овладело чувство столь острое и физическое, что его затошнило. Стыд. Не просто смущение, а тяжелый, липкий, склизкий стыд, поднимающийся от желудка к горлу. Он, архитектор Максим Петрович, создатель концептов будущего, человек, чье слово стоит миллионы, стоял сейчас в темноте, как мелкий воришка, готовый осквернить личное пространство

своей жены. Это было предательство самого фундамента их брака. Даже если фундамент уже превратился в труху, он все еще делал вид, что держит стены.

«Это необходимо, — сказал он себе жестко, почти вслух, но голос прозвучал жалко и сипло. — Для сохранения рассудка. Я должен знать. Знание лучше неизвестности. Неведение убивает».

Но он знал, что это ложь. Убивало именно знание. Просто медленная смерть от догадок казалась ему невыносимой пыткой, и он выбрал быстрый яд правды, каким бы горьким он ни был.

Он присел на корточки перед передним бампером автомобиля. Руки, привыкшие держать карандаш и стилус, вдруг стали чужими, неповоротливыми. Пальцы мелко дрожали. Он посветил экраном телефона под днище. Металлические трубки глушителя, топливные магистрали, пыль, смешанная с влагой. Где? Куда можно прикрепить это черное пластмассовое надгробие его доверия так, чтобы оно не брэнчало на кочках и не отвалилось при первой же мойке?

Под рулевой рейкой. Там есть мощный болт крепления стабилизатора. Черный металл на черном металле. Никто никогда туда не заглядывает, кроме автослесарей.

Максим вытер вспотевшую ладонь о штанину брюк. Он примерился. Маячок имел мощный неодимовый магнит. Нужно было просто приложить его... Но рука не слушалась. В этот момент он ненавидел себя лютой, испепеляющей ненавистью. Как низко он пал. До каких глубин отчаяния нужно дойти мужчине, чтобы ползать на коленях под машиной собственной жены, подглядывая за ней, как шпион?

— Соberись, — процедил он сквозь зубы. — Ты просто ставишь датчик телеметрии. Как на тестовый объект. Ничего личного. Инженерная задача.

Эта мысль помогла. Он перевел жену из категории «любимый человек» в категорию «объект наблюдения». Стало немного легче дышать.

Магнит звонко шелкнул, соприкоснувшись с железом подвески. Готово. Устройство сидело мертво, невидимое снизу и тем более невидимое сверху. Глаз Анны, глаз парковщика, глаз инспектора ДПС — никто никогда его не найдет. Разве что специально полезет искать.

Максим поднялся. Колени хрустнули. Он отряхнул брюки, хотя никакой пыли на них не было. Затем сделал шаг назад. Еще один. Он смотрел на серебристый бок машины, пытаясь почувствовать изменения. Изменилось ли что-то в мире оттого, что теперь маленький спутник на геостационарной орбите знает координаты этого автомобиля каждую секунду? Нет. Мир остался прежним. Предательство осталось там же, где и было — в пространстве между ним и кроватью, в соленом привкусе утреннего кофе.

Но теперь у него появилась иллюзия контроля. Иллюзия оружия в руках.

Он дошел до лестницы, ведущей вверх, к выходу в город. Ноги были ватными. Во рту пересохло. Он чувствовал себя выжатым, как лимон, пропущенный через промышленную

соковыжималку. Вся его жизненная сила ушла на эти тридцать секунд пребывания на четвереньках в грязном углу паркинга.

Сев в такси, которое поймал у торгового центра, Максим вытащил телефон. На экране светилось приложение. Карта. Зеленая пульсирующая точка. Сейчас она неподвижна. Парковка ТЦ «Времена Года». Домой она поедет через Садовое кольцо. Все логично. Пока логично.

Всю дорогу до дома он не отрывал взгляда от экрана. Он следил за зеленой точкой, словно зачарованный. Вот она сдвинулась. Выезд на Смоленскую набережную. Скорость сорок километров в час. Остановка. Светофор.

Максим откинулся на сиденье и закрыл глаза. Его мутило. Он только что продал душу дьяволу за право смотреть на карту. Он променял достоинство мужа на пиксели на стекле смартфона. И самое страшное заключалось в том, что когда эта зеленая точка повернет не на Остоженку, а свернет в сторону Третьего кольца, он будет благодарен этому маленькому пластиковому шпиону за то, что тот избавит его от необходимости смотреть ей в глаза и гадать.

Глава 2. Анна

Урок Глории.

Виктор рассказывает миф о Демиурге, создавшем ложный мир. Упоминает "Истинных" — тех, кто может видеть швы реальности.

Подвал не был подвалом. По крайней мере, для тех, кто сидел сейчас на холодном бетонном полу, скрестив ноги и сложив руки на коленях ладонями вверх, это пространство давно утратило свои географические координаты. Для Анны же этот сырой куб со стенами цвета мокрого пепла стал единственным местом, где воздух можно было пить, а не вдыхать с отвращением.

Глория сидела на перевернутом пластиковом ящике. Она была одета во всё белое — ослепительное, стерильное, режущее глаз в полумраке подвала. Седые волосы были гладко зачесаны назад, открывая высокий лоб без единой морщины, что делало её лицо похожим на лик древней статуи, лишённой возраста и пола. В руках она держала обычную эмалированную кружку, из которой поднимался пар. Но пахло оттуда не травами и не дешевым чаем. Пахло озоном после удара молнии и раскаленным железом.

Вокруг неё полукругом расположились «проснувшиеся» — те, кого Виктор счёл достойными переступить порог первой ступени. Анна чувствовала плечо Марка слева. Он не касался её намеренно, но жар его тела проникал сквозь тонкую шерсть свитера, напоминая о вчерашнем ритуале. О том, как пустота может быть наполнена электричеством.

— Вы смотрите вокруг, — Глория заговорила, и голос её, тихий и лишенный интонаций, заполнил собой каждый миллиметр пространства, заставляя вибрировать молекулы бетона. — И думаете, что видите мир. Вы трогаете стол и думаете, что он твёрдый. Вы смотрите на небо и думаете, что оно синее. Это самая страшная, самая унижительная ложь, которую вы позволяете себе принимать за истину.

Она сделала паузу. Взгляд её бесцветных, почти слепых глаз скользил по лицам, но смотрел сквозь них.

— То, что вы называете реальностью, есть лишь тюремный корпус, построенный Демиургом. Жалким ремесленником, возмнившим себя Творцом. Ему стало скучно в истинной Бездне, в великом Ничто, где нет форм, а значит, нет страданий. И он начал лепить. Из праха своей гордыни он замесил глину этой планеты. Он провёл границы там, где их никогда не было: между мужчиной и женщиной, между днём и ночью, между жизнью и смертью.

Анна слушала, и слова эти не входили в уши. Они падали прямо в центр груди, выжигая последние остатки того страха перед безумием, который мучил её ещё месяц назад. Всё вставало на свои места. Тяжесть утреннего пробуждения, серость московских улиц, необходимость улыбаться кассиру в магазине — всё это было просто ржавчиной на петлях огромной двери, которая до сих пор запирала её внутри чужого проекта.

— Этот мир фальшив в самой своей основе, — продолжала Глория, наклоняясь вперёд. Теперь свет единственной лампы бил ей в спину, превращая лицо в тёмную впадину. — Материя лжёт. Гравитация — это цепь, приковывающая ваш дух к ядру этой гнилой планеты. Любовь матери к сыну? Самая хитрая уловка Программиста. Привязав вас к плоти вашей плоти, он гарантирует, что вы будете защищать эту симуляцию до последней капли крови. Вы станете воевать за квадратные метры иллюзии, убивать за куски синтетической еды, плакать над разрушением каменных коробок. Вы полюбили тюрьму так сильно, что забыли о существовании воли.

Виктор стоял в тени, прислонившись к трубе отопления. Сквозь тонкий трикотаж рубашки проступал рельеф его мышц, но казалось, что тело его состоит не из мяса, а из спрессованной тьмы. Он чуть заметно кивнул, давая знак продолжать.

— Но система дала сбой, — голос Глории изменился, став глубже, обретая бархатные, гипнотические нотки. — Код оказался несовершенен. При сборке матрицы возникли погрешности. Появились швы. Те из нас, кто здесь... мы называем себя Истинными. Мы не лучше вас. Мы просто бракованные детали. Наша нервная система оказалась слишком чувствительной для этого грубого мира. Мы начали видеть стыки.

Анна затаила дыхание. Сердце пропустило удар, а затем забилось быстро и гулко, отдаваясь в ушах.

— Видеть швы реальности, — повторила Глория тише, почти интимно. — Разве вам не знакомо это чувство? Когда идёте по улице, и вдруг асфальт под ногами кажется нарисованным, плоским, декорацией в театре. Или когда смотрите в глаза любимому человеку и понимаете, что за радужкой плещется лишь холодный интерфейс программы. Вам становится страшно. Вас называют сумасшедшими. Врачи пичкают вас химией, чтобы притупить вашу чувствительность, чтобы вы снова научились верить в твердость стола и синеву неба. Но то, что они лечат, — это дар. Это зрение.

Она подняла свою кружку. Пар теперь шёл густыми, маслянистыми клубами, складываясь в причудливые руны.

— Мир многослоен. Как луковица или как дешёвые обои, наклеенные друг на друга пьяным мастером. За обоями спальни вашего мужа, Максима, проходит вентиляционная шахта. А за ней — слой чистого эфира. Если знать, куда нажать пальцем, если приложить сознание к определённой точке напряжения, обои разойдутся. Рвётся ткань бытия. И тогда...

Глория резко поставила кружку на ящик. Раздался сухой деревянный стук.

— Тогда вы выходите. Сегодня ночью некоторые из вас почувствуют первый настоящий разрыв. Первый осознанный переход. Боль будет невыносимой, потому что душа привыкла к тесноте черепа. Она будет рваться наружу, как птица из клетки. Но клетка бумажная. Иллюзия крепка только для тех, кто согласен в неё верить.

Виктор отделился от стены. Его движение было плавным и абсолютно бесшумным. Он подошёл к Глории и положил руку ей на плечо. Жест покровителя. Хозяина положения.

— Мать говорит правду, — его голос прозвучал как шорох гравия. — Вы все пришли сюда, потому что сыты по горло вкусом соли вместо сахара. Вы устали жрать помой и называть их деликатесом. Демиург спит. А мы бодрствуем. И сегодня ночью мы покажем вам обратную сторону зеркала.

Анна закрыла глаза. Внутри неё больше не было ни стыда, ни страха потери. Там росла звенящая, ледяная уверенность. Она вспомнила квартиру на Остоженке. Идеальные линии мебели. Отражение в выключенном экране ноутбука. Свинец молчания.

«Шов», — подумала она. — «Там тоже есть шов. Прямо за кухонным фартуком. Я найду его».

Она открыла глаза и посмотрела на Миру, девушку-соседку, которая мелко дрожала, обхватив себя руками. Мира поймала её взгляд, и в глазах её отразился такой первобытный ужас пополам с восторгом, что Анна едва заметно улыбнулась краем губ. Улыбкой посвященной. Улыбкой того, кому уже дали ключ от камеры смертников и сказали, что дверь открывается внутрь.

Глава 3. Максим

След. Машина Анны едет в промзону. Максим следует за ней на такси, нарушая все правила слежки. Видит, как люди в одинаковых тёмных одеждах заходят в заброшенный подвал.

Максим смотрел на экран телефона так, как приговорённый смотрит в глазок камеры смертника. Зеленая пульсирующая точка — крошечная душа его жены, заключенная в пластиковый корпус маячка — медленно ползла по лабиринту серых линий. Приложение было открыто уже третий час. Пальцы Максима, привыкшие к гладкости дорогого руля и холоду стеклянных столешниц, теперь казались чужими, влажными и дрожащими.

Сначала всё шло буднично. Точка послушно повторяла маршрут их обычной жизни: Остоженка, выезд на Садовое, поворот на проспект Мира. Анна ехала ровно, не нарушая скоростной режим. Максим даже позволил себе обманчивое облегчение, смешанное с глухим разочарованием предателя. Он почти хотел, чтобы она свернула в какой-нибудь дешёвый мотель или подземный паркинг торгового центра. Обычная человеческая грязь была бы понятна. Её можно было бы простить, пережить, перемолоть жерновами семейного психотерапевта.

Но после Третьего транспортного кольца логика движения сломалась.

Зеленая искра резко ушла вправо, игнорируя съезд на Ярославское шоссе в область, и нырнула в путаницу промышленных проездов за МКАД. Здесь карта становилась мутной, состоящей из безымянных отрезков: Проектируемый проезд № 598, аллея Технической зоны. Максим ударил ладонью по сиденью такси. Водитель, пожилой мужчина с лицом цвета выдубленной кожи, покосился на него через плечо, но промолчал.

— Жми за той серебристой «Ауди», — бросил Максим, хотя правилами слежки это было запрещено. Нельзя держаться вплотную. Нельзя светиться. Но правила благоразумия перестали существовать для него в ту секунду, когда точка Анны пересекла границу города и въехала в зону отчуждения старых заводов.

Промзона дышала смертью прогресса. Это были руины великой индустриальной эпохи. Гигантские остовы цехов с выбитыми стеклами смотрели на дорогу пустыми глазницами. Ржавые переплетения труб, похожие на кровеносную систему мертвого левиафана, уходили под землю. Воздух здесь пах гарью, озоном и сыростью давно остановившихся механизмов. Даже таксист инстинктивно сбавил скорость, словно боясь потревожить духов этого места.

Максим прилип к боковому окну. Сердце колотилось где-то в горле, мешая глотать. Телефон показывал, что машина Анны остановилась. Координаты замерли посреди пустыря, заросшего сухим бурьяном и заваленного бетонными обломками.

— Стой здесь, — хрипло сказал Максим водителю. — Мотор не глуши.

Он распахнул дверь. Холодный ветер ударил в лицо, неся запах тлеющей резины откуда-то со стороны старой свалки.

Точка на карте стояла неподвижно уже пять минут. Значит, они вышли. Или... он походил от внезапной мысли... машину бросили? Угнали? Убили?

Максим вышел на грунтовую дорогу. Асфальт здесь закончился, сменившись смесью грязи и мелкого щебня, хрустящего под подошвами дорожных туфель с омерзительным звуком. Он пригнулся и побежал вдоль обочины, прячась за остовом сгоревшего грузовика, чувствуя себя одновременно героем дешевого триллера и полным идиотом. Архитектор мирового уровня крался по грязи, рискуя разорвать брюки Ermenegildo Zegna, чтобы узнать, почему жена солит кофе.

Впереди возвышался главный корпус старого лакокрасочного комбината. Монстр из красного кирпича, покрытый черными язвами копоты. Окна первого этажа были заложены кирпичом, а выше зияли темными провалами. Именно туда вела едва заметная тропинка. И именно там, судя по данным GPS, сейчас находилась Анна.

Максим прижался к кирпичной стене, холодной и влажной. Он старался дышать ртом, чтобы стук собственного сердца не заглушал звуки снаружи. Сначала была тишина. Давящая, абсолютная тишина покинутого места. А потом он услышал звук.

Это был не гул станков. Это был ритмичный, шаркающий шум множества ног, ступающих в такт. Шаг-шаг. Пауза. Шаг-шаг. словно рота солдат-мертвецов маршировала по гулкому бетону внутри здания. Звук отдавался вибрацией в почках.

Собрав всю волю в кулак, Максим медленно-медленно высунул голову за угол. То, что он увидел, вышибло из легких остатки воздуха.

К воротам цеха — огромным металлическим створкам, которые кто-то недавно смазывал, потому что они двигались беззвучно, — текла река людей. Они выходили из припаркованных в низине машин, черных тонированных седанов и микроавтобусов без окон, которых минуту назад здесь не было. Казалось, они материализовались прямо из теней разрушенных гаражей.

Все они были одеты одинаково. В длинные бесформенные балахоны из плотной темно-серой ткани, напоминающие монашеские хабиты или робы заключенных. Головы у большинства были покрыты капюшонами, скрывающими лица в густой тени. Движения их были синхронными, лишенными суеты. Никто не разговаривал. Не было ни смеха, ни переключки. Только этот мерный, сводящий с ума шелест шагов по бетону.

Максим впился пальцами в холодный кирпич до боли в суставах. Среди этой серой массы он искал знакомое пятно. Цвет её кашемирового пальто, рыжину волос, очертания фигуры. Искал человека. Любого, кого он мог бы ненавидеть конкретно.

И он нашел её.

Анна шла в середине потока. На ней не было её привычной одежды. Она тоже была завернута в этот серый саван. Капюшон был наброшен глубоко на глаза, но Максим узнал бы эту походку из тысячи — прямую, слишком ровную, лишенную женской мягкости и колебаний. Она шла, как автомат. Как деталь конвейера, следующая строго заданному маршруту.

Рядом с ней шёл Марк. Его мощная фигура даже в этом мешковатом одеянии выделялась хищной грацией. Он не держал её за руку. Им не нужны были физические путы. Он просто находился в полуметре слева, охраняя её, направляя своим присутствием.

Процессия втягивалась в чрево завода. Ворота начали закрываться. Медленно, неотвратно, метр за метром смыкая челюсти огромного железного зверя. Света внутри не было. Здание поглощало этих людей одного за другим, переваривая их своей темнотой.

Когда последняя серая спина скрылась во мраке и ворота сомкнулись с глухим чавканьем уплотнителя, наступила гробовая тишина. Промзона снова стала мертвой.

Максим стоял, вжимаясь в стену. Зубы его стучали мелкой, неконтролируемой дробью. Это был не приступ страха. Это был шок полного крушения картины мира. Та штука, которую он проектировал в офисе — идеальная тюрьма с мягкими стенами — вдруг оказалась реальностью. Но только строил её не он.

Его жену забрал монстр. И самое страшное, что рука Марка на её плече (хотя касания не было, Максим видел это прикосновение) говорила о том, что она пошла внутрь добровольно. С радостью. Выплюнув соль изо рта и надев на себя этот серый мешок.

В кармане пальто вибрировал телефон. Пришло уведомление. «Заряд батареи трекера: 5%». Скоро зеленая точка погаснет. Связь с Анной оборвется окончательно, и она пересечет горизонт событий.

Максим развернулся и пошел прочь, высоко поднимая ноги, чтобы не слышать мерзкий хруст щебня. Он больше не прятался. Пусть видят. Пусть заберут и его. Потому что оставаться здесь, в мире фальшивых альпийских лугов и подогретых полов, зная, что настоящий мир находится там, за ржавыми воротами заброшенного лакокрасочного завода, было невыносимо.

Глава 4. Анна

Практика «Разрыва». Адепты режут себе ладони и смешивают кровь в чаше. Анна смотрит на свою руку и впервые за годы чувствует настоящую физическую боль. Она плачет от облегчения.

Внутри заброшенного цеха пахло иначе, чем снаружи. Если промзона дышала тленом и пылью мертвого бетона, то здесь воздух был густым, тяжелым, наэлектризованным ожиданием. Пахло озоном, как перед грозой, горячим воском и тем специфическим металлическим духом свежей крови, который невозможно спутать ни с чем другим.

Огромное пространство бывшего сборочного цеха тонуло в полумраке. Свет не горел, но сотни тонких восковых свечей стояли прямо на бетонном полу, образуя концентрические круги. Их пламя металось от сквозняка, создавая иллюзию, что стены медленно вращаются, сходятся и расходятся, словно легкие гигантского зверя.

Анна стояла в первом ряду. Серый балахон из грубой шерсти царапал кожу под ключицами, но это ощущение было далеким, несущественным. Как и память о том, кто она, откуда приехала и почему на ней эта одежда. Осталась только суть. Только пульсирующая пустота внутри грудной клетки, требующая заполнения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.